

ПРОЛОГ

Он ненавидел эту лестницу.

Циклоп шел медленно, считая каждый шаг. Щербатые ступени потешались над ним. Словно орда нищих попрошайек, уложенных внахлест на бесконечный пандус, разинула рты в хохоте — да так и окаменела. Не слишком удачное сравнение, да. Циклоп был мало склонен к риторике базарного поэта, торгующего своей болтовней в кабаках: пять монет за сонет, а нет денег, так налейте кружку вина. Другое дело, что двадцать лет жизни бок о бок с Красоткой скажутся даже на дубовом чурбане. Сам не заметишь, как начнешь ронять перлы красноречия.

«Перлы, — подумал он. — Ну и словечко...»

На стенах копошились светляки. Мерцали слабыми зеленоватыми огоньками. Светляков было много, их россыпи напоминали остатки ковра, в прошлом богатого, яркого, но с годами превратившегося в драные лохмотья. Трепеща усиками, орда перемещалась вниз, к ступеням, и даже на ступени, пожирая тень Циклопа. На лестнице сделалось светлее, огни разгорелись от сытости. Стал слышен тихий скрежет жвал — так меч покидает ножны, окованные по краю металлом. От звука кости начинали мерзко вибрировать, и затылок ломило.

«Я устроил им пир, — думал Циклоп, стараясь держать поднос ровнее. — Здесь уже давно, кроме меня, никто не ходит. Трижды в день, если не чаще, я кормлю

их моей темнотой. В остальное время светляки сидят на голодном пайке, довольствуясь тенями перил, а то и своими собственными. О да, моя тьма — лакомство. Сколько ни ешь, ее меньше не станет».

На подносе дышала ароматным паром чашка жирного бульона. Сверху, в желтых промоинах, плавали три ломтика моркови, тонкие, как лепестки розы. Перстень Газаль-руза, вспомнил Циклоп. Маслянистое, тусклое золото. Морковный турмалин в оправе из паучьих лапок. Красотка настраивала этот перстень, как музыкант — лютню. Подкручивала колки-невидимки, брала беззвучные аккорды, вслушиваясь в тишину, ловя мельчайшую, недоступную грубому уху фальшь. Турмалин менял цвет, подергиваясь по краям болотной кромкой. Для морковки — гниль. Для камня в перстне Газаль-руза — естественное состояние, дарующее силу. За этим маг и пришел, за это платил.

— Скупердай, — вслух сказал Циклоп. — Мог бы и накинуть...

Рядом с чашкой на керамическом блюде лежала половина вареного цыпленка. Пригодится, если у Красотки сегодня есть зубы. Если нет, на еще одном блюде лежала другая половина цыпленка, освобожденная от костей и хрящиков, перемолотая в кашицу. Кубок с горячим вином, сдобренным пряностями. Сталкиваясь краями, посуда звякала в такт шагам. Чашка, два блюда, кубок, на четвертый этаж, и не разлить, не обронить. Когда-то он, дурень набитый, завидовал волшебникам, чьи башни гордо высились над городами. Семь этажей. Десять. У Газаль-руза — дюжина. Против нашей четверки — жалкой, достойной насмешки...

Сейчас Циклоп радовался ничтожеству башни Красотки.

«Циклоп? — обрадовался мясник, когда он пришел в лавку за цыплятами. — Хошь в лоб?» Не обращая вни-

мания, Циклоп сделал заказ. Да, и говяжьей вырезки тоже. И баранью ногу. «А правда, — не унимался мясник, ловко управляясь с ножом, — что если дать тебе в лоб, мир перевернется?» Правда, кивнул Циклоп. «А если попробовать?» Валяй, согласился Циклоп. Мир перевернется, и твоя лавка рухнет в ад. Демоны возликуют. Они поставят тебя на разделку грешников. Мясник заготовал. «Я им разделаю! — Лавка содрогалась от воплей. — Грудинка шлюхи! Рулька скряги! Огузок мужеложца...» Здоровенный детина, похожий на матерого вепря, по прихоти богов вставшего на дыбы, честный муж и заботливый отец уймы сопляков, мясник обладал уникальным чувством юмора. Шутку про мир и лоб он повторял при каждом визите Циклопа, год за годом, и всякий раз смеялся, как впервые. Сунуть кулачищем — да хоть пальцем! — Циклопу в лоб, скрытый широкой повязкой из кожи, мясник никогда не пытался. Напротив, если Циклоп отвечал хоть парой слов, шутник сбрасывал цену и давал все самое свежее.

— И в долг, пожалуй, даст...

Светляки дожрали тень до самых каблуков. Скрежет утих, сменившись шелестом. Циклоп остановился. Площадка, за которой через два пролета начинался последний, четвертый этаж, служила ему местом отдыха. Узкое окно, похожее на бойницу, он изучил до мелочей. Царапины на кипарисовом подоконнике. Белила откосов содраны по краям. За окном кипела метель. Зима удалась ветреной, снежной. Белые хлопья метались в неистовстве пляски, превращая мрак в кипящее молоко. Слипались в причудливые фигуры, вскидывались до небес, чтобы мигом позже рассыпаться колючей крупой. Гул бурана складывался в мелодию, сводящую с ума путников, застигнутых вне дома. Умостив поднос на подоконник, Циклоп высунул руку наружу. Ладонь обожгло холодом, пальцам стало мокро. Он подождал,

пока рука не замерзнет окончательно, затем приложил ладонь ко лбу. Даже через кожаную повязку зима пробралась внутрь. Приятно, вздохнул Циклоп. Газаль-руз, конечно, тот еще жмот, но окна — его работа. Красотка, более известная в городе как Инес ди Сальваре, так не смогла бы. Даже когда была в силе... Рамы нет, стекол нет, ставни отсутствуют — дыра дырой, а в башню проникает лишь свежий воздух. Строго в меру, не выстуживая жильё. Поначалу голуби и летучие мыши разбивались насмерть, упорствуя в желании залететь в проем. Вскоре привыкли, оставили дурную затею. Впрочем, если кто из обитателей башни захочет выпрыгнуть наружу, сведя счеты с жизнью, — скачи без забот, путь свободен.

«У Газаль-руза тоже есть чувство юмора, — подумал Циклоп. — Мясник узнал бы, сдох бы от зависти».

Остаток пути он преодолел быстрым шагом.

В спальне Красотки царил сумрак. Единственная свеча, укрепленная в розетке бронзового шандала, старалась, как могла. Воск стекал жирными слезами, пламя трепетало на кончике фитиля. Но один, известное дело, в поле не воин. Красотка лежала, забившись под одеяло. Она бы, наверное, спустила и балдахин, сумей Инес дотянуться до шнура.

— Бульон, — весело объявил Циклоп. — Лучший в мире...

Веселья не получилось. Он вообще плохо справлялся со своим голосом.

— Оставь на тумбочке, — донеслось из-под одеяла. — Уходи, дурак.

— Я оставлю. — В первую очередь Циклоп оставил потуги казаться бодрячком. — И уйду. И ты не прикоснешься к еде. Потом я вернусь, принесу свежее, оставлю, уйду, и так по кругу. Нет уж, дорогая. Лучше я сам покормлю тебя. И вынесу ночную вазу. Там есть что выносить?

— Есть, — мрачно доложила Красотка. — Днем я слезла на пол. И даже забралась потом обратно. Подвиг, да? Все подвиги, мальчик мой, совершаются одинаково: тебе нужно, и выбора нет...

Поднос лег на тумбочку. Забрав ночную вазу, Циклоп вышел из спальни, вернулся на площадку, где любовался метелью, выплеснул нечистоты в окно, мало заботясь о последствиях — еще один подарок Газаль-руза, — и побрел обратно. Красотка сегодня не в духе. А когда она была в духе? Хорошо хоть сходила по нужде. Надо будет принести лохань, натаскать теплой воды и обмыть ее. Позже, когда она поест. Бульона Красотка выпьет, хоть горы рухнут, хоть реки повернут вспять. И подогретого вина. «Ты осла переупрямишь, — злилась Красотка. — Ты утес башкой прошибешь. Сукин ты сын, гранитный лоб...» Он кивал и держал ложку с едой у ее рта. Если, конечно, в тот момент у нее был рот.

— Сейчас есть, — сказал Циклоп, задержавшись перед дверью. — Разговаривает. Значит, есть...

Вышло двусмысленно. Раз есть рот, значит, будем есть.

Зайдя во второй раз, он услышал то, что пропустил мимо ушей при первом появлении, — музыку. Из темно-фиолетового кристалла звучал клавесин, опираясь на басовитое гудение «гидры» — водяного органа. Острые, легкие всплески — дождь, летний грибной дождь плясал на обманчивой поверхности омута. Зима снаружи злилась, не в силах добраться до призрака лета. Красотка слушала музыку, как иной дышит. Отними — умрет. Когда Инес ди Сальваре еще была здорова, в башне вечно толклись свирельщики, лютнисты, флейтисты, лирники; на втором этаже, в зале, стояли клавикорды из красного дерева, похожие на гроб. Если музыканты не приходили, Красотка пользовалась кристаллами, сберегающими звук: сердолики из Партени, сегентарр-

ские топазы, дымчатые или голубые, аметисты Высокого Серпола — фиолетовые «сумерки», вроде того, что звучал сейчас. Музыка, вспомнил Циклоп. Музыка и Красотка над очередным жезлом или перстнем, принесенным ей в починку. «Это помогает, — говорила она. — Я четче вижу связи. Чую скрытую мощь; знаю, как ее высвободить. Вот, смотри». Пальцы Красотки порхали над жезлом, украшенным бирюзой с рубинами, и камни начинали светиться, меняя оттенки, выстраиваясь наилучшим сочетанием.

«Я смотрел, — с грустью кивнул Циклоп. — Поначалу смотрел. Позже начал помогать. Музыка? Нет, ерунда. Я не нуждался в звуке или тишине. Просто там, где сельский дуралей чешет затылок, я тер лоб. Мне хватало...»

— Корми, — позволила Красотка. — Чтоб тебя...

В углу висел рукомойник. Циклоп вернул вазу под кровать, ополоснул руки и присел с подносом у ложа. Прямо на пол — ему, долговязому, так было удобнее. Приспустив одеяло до подбородка, Красотка следила за кормильцем. Метаморфозы почти не затронули ее головы. На вид лет сорок — сорок пять, тонкие черты, копна рыжих волос. Местами блестит седина. И рот на месте. Единственная часть лица, которая возникала и исчезала, не сообразуясь с какими-нибудь очевидными ритмами.

— Подвинься, — велел Циклоп. — Ближе. Сумеешь?

— Да уж не сдохла еще...

Одеяло улетело за кровать. Красотка вряд ли желала этого, просто тело скверно подчинялось ей. Увидев это тело, кто угодно сбежал бы из спальни, во всю глотку призывая на помощь; кто угодно, только не Циклоп. Насмотрелся, привык. Казалось, шутник-мясник взял части, принадлежащие вроде бы человеку, и сложил в заковыристую головоломку. Руки, растущие из лопаток, на манер ощищенных крыльев. Ноги коленями внутрь.

Правая начинается выше левой, сразу от нижних ребер. Вдоль бедра выросла жесткая щетина. Грудь клином, по-птичьи. Таз выгнут арфой. Под кожей спины торчат позвонки странной формы. Луковицы храмовых куполов, кулаки бойцов; горные пики, изгрызенные ветром... Пальцы, длинные и суставчатые, находятся в непрерывном движении. За ритмом следить опасно — уснешь. Голова чересчур тяжела для тонкой, хрящеватой шеи. Из плеч растет, пожалуй, стебель заморской травы, грозя обломиться в любой миг.

Жук? Зверь? Морская тварь из пучин?

— Чудовище, — подсказала Красотка.

Она читала его мысли, как открытую книгу.

— Чудовища всегда были добры ко мне, — улыбнулся Циклоп. — Пей бульон...

И взялся за чашку.

Она выпила бульон. И вино. И цыплячью кашу съела. Циклоп втихомолку беспокоился: он отвык от такой покорности. Чаще приходилось уламывать до последнего. Биться за каждый кусок и глоток, как солдаты сражаются за родную землю.

«Нет, — про себя сказал он. — Я не дам тебе умереть от голода и жажды. Я переупрямлю осла и пробью башкой утес. Ты сделала человека из хищного, бестолкового звереныша. Из мальчика ты сделала юношу, а потом мужчину; ты дала мне приют, тепло в метель, покой в бурю — волшебство, равного которому я не знаю. И я продлю твои дни, надеясь на чудо. Чудеса — твоя вотчина, Красотка. Вот и старайся, живи...»

— Курятина осталась? — спросила она.

— На костях. Я тебе разберу...

— Разбери, порадай старуху. Только чуть-чуть...

О да, она читала его мысли, как книгу.

Пока он возился с цыпленком, отслаивая мясо от тонких, хрупких косточек, разделяя его на волокна,

Красотка пыталась устроиться поудобнее. То и дело она стонала — еле слышно, сдерживая себя. Метаморфозы не прекращались ни на миг, но временами они затихали. Так волк прячется в засаде, чтобы выскочить в самый неожиданный момент — повалить, вцепиться клыками в глотку. Краем глаза Циклоп видел спину Красотки. Позвонки, пугающие разнообразием, смещались в невозможные для человека стороны. Часть плеча расплавилась, как медь в тигле, а когда восстановилась — плечо сделалось раздвоенным и остроконечным, будто колпак шута. Шея сократилась: стебель травы налился соком, разбух сытой пиявкой.

— Тебя покормить?

— Дай сюда. Я сама...

Циклоп отошел к окну, не желая видеть, как она станет есть сама. Снаружи ярилась вьюга. Мир сжался в белом, хрустящем кулаке. Съежился до размеров слабо освещенной спальни, отрицая все остальное. Бешеный кисель, молочная пена. Где-то там прятался Тер-Тесет: дома, улицы, площади. И дальше — Сегентарра, Шаннуран... Разум соглашался, но чувства отказывались верить. Нет ничего, кроме двоих людей, которые давным-давно не вполне люди.

«Скоро исчезнем и мы, — думал Циклоп. — Кулак сожмется до конца, и я отдохну».

— Я натаскаю воды. Будем мыться.

— Позже, — заупрямилась Красотка.

Чистюля до мозга костей, она мылась при любом удобном случае, пока могла это делать без посторонней помощи. Когда же метаморфозы зашли слишком далеко, чистюля превратилась в замарашку.

— Здесь слишком холодно.

— Врешь.

— Холодно.

«Врешь», — одними губами повторил он.

— Не спорь со мной! Ты смотрел перстень Газаль-руза?

— Да.

Турмалин, оправленный в золото, остался в прошлом. Речь шла о другом перстне. Дерево, прочней стали, выгнутое троицей змеиных колец. В пасти змеи — нешлифованный гранат. О кольцах Злого Газалья ходили легенды. Меряя землю из конца в конец, он привозил драгоценности со всех краев света. Отыскивал добычу в мертвых пирамидах, проникал в руины храмов, затерянных в джунглях. Это было опасно даже для сильного мага, но игра стоила свеч. Находки впоследствии доводилось подгонять под Газаль-руза — Красотка выполнила уйму его заказов. Циклоп дивился, как можно шевелить руками, обремененными грудой металла и камней. Кое-кто, разделив удивление Циклопа, проверял охотника за перстнями на прочность и отправлялся в преисподнюю — до скончания веков помнить, каким шустрым бывает Злой Газаль в миг опасности.

— Справишься?

— Да.

— Когда сделаешь, принеси мне. На всякий случай.

— Не доверяешь?

— Принеси. Хочу поверить, что еще жива.

— Жива! — заорали из угла. — Жив-жив-ва!

На жердочке, в клетке из прутьев, сидела Дура — сипуха Красотки. Охристо-рыжие крылья, казалось, выточил резчик из пейзажной яшмы. А небрежный владелец статуэтки — ах, я такой неловкий! — засыпал оперение Дуры жарким пеплом. Белоснежная грудка, лицевой венчик тоже белый, в форме сердечка. Под глазами — перышки цвета ржавчины. Хорошо знакомый с попугайскими манерами сипухи, Циклоп остался равнодушен к птичьим воплям.

— Жив-жив-ва!

— Спасибо, — шепнула Красотка. — Спасибо, ду-
рочка...

— Дур-ра!

— Дай ей цыпленка...

Взяв кусочек мяса, Циклоп бросил его в клетку. Дура есть не спешила. Она склонила голову влево, затем вправо, как если бы чего-то ждала. Циклоп подошел ближе. Лицевой венчик Дуры потемнел, изменился. На Циклопа смотрел он сам — маленький, хищный, крылатый. Обычно сипуха без труда копировала черты его лица. Сегодня же она поступила иначе: лицевой венчик превратился в зеркало, отразив Циклопа. Отражение вышло сомнительным, с искажением перспективы. Впрочем, Циклоп и раньше не числил себя в красавцах. Резкие морщины, похожие на ножевые порезы. Нос чуть свернут набок. Сухие губы плотно сжаты. Щеки запали, скулы торчат двумя буграми. Лоб от бровей до корней волос скрыт кожаной повязкой. Была в лице Циклопа странная несообразность — чужой человек долго вглядывался, пытаясь догадаться, что здесь не так, и в конце отводил взгляд, сообразив, что негоже пялиться на собеседника.

— Цып-цып-ля! — выкрикнула сипуха.

Птицы рождаются из яиц. Дура родилась из табакерки. Яшмовая табакерка стояла между двумя жезлами, отданными в настройку, когда Красотка доверила завершение работы Циклопу. Помнится, он вгляделся, сдвинув повязку вверх, ощутил привычное жжение в центре лба... Когда жезлы перестали вибрировать, табакерка больно клюнула Циклопа в щеку. «Поздравляю!» — рассмеялась Красотка. Протянула руку, и новорожденная сипуха вспрыгнула ей на запястье. Циклоп еще долго размышлял, остался ли в Дуре табак. Учитывая остальные таланты сипухи, это было бы сущим пустяком.

— Цып-цып... — Птица замолчала, нахохлилась. — Кто здесь?

— К нам гости, — сказал Циклоп. — Дура не ошибается.

— В метель? Надо вовсе лишиться ума...

— Я спущусь, встречу. А после будем мыться.

На выходе из спальни ему захотелось оглянуться. Он не сделал этого, сам не зная почему, и до конца жизни очень жалел о своей сдержанности. Все чудилось: он стоит на пороге, еще скорее здесь, чем там, и Красотка глядит ему в спину, тайным женским чутьем догадываясь, что сейчас произойдет, и готовится к неизбежному. А он, болван, выскакивает прочь и бежит вниз по лестнице, которую ненавидит, от женщины, которую любит.

Ступени.

Как мальчишка, он прыгал через две сразу.

Стук дверного молотка раздался, едва Циклоп выбежал в холл. Нервный, раздраженный стук. Впору поверить, что гость не явился только что, а колотит в дверь с утра. Заказчик? Нашел время...

— Открываю!

Лязгнул засов. Заскрипели петли, которые давно следовало бы смазать. Холод ворвался в башню. Обхватил могучими ручищами, прижал к ледяной груди. Владли, радуясь, хохотал буран. Громоздил сугроб на сугроб, тряс косматой сединой. Смерчи гуляли вокруг четырехэтажного строения, шатались хмельными забулдыгами. Поземка ринулась под ноги, лизнула щиколотки Циклопа. Он не сдвинулся с места. Во тьме, перед входом маячила высокая фигура, укрытая тьмой и снегом, будто карнавальным костюмом. Гость, как и Циклоп, оставался неподвижен — гвоздь, вбитый в хоровод метели.

— Кто здесь?

— Я, Симон.

За дверью стоял Симон Остихарос, один из клиентов Красотки. Плащ на бобровом меху тяжело обвис под грузом налипшего снега. Обвисли и поля войлочной шляпы. Симон втянул голову в плечи, словно черепаха — в панцирь. Из рта вырывались клубы пара. Всем весом он налегал на длинный, изогнутый на конце посох, более напомилавший пастушью клюку. Руки мага были без перчаток. Что вынудило Симона в такую погоду бросить собственную башню и отправиться в неблизкий путь, оставалось загадкой.

— Впустишь? — спросил старик.

Циклоп посторонился, давая магу войти. Закрыл дверь, вернул засов на прежнее место. Снаружи гремел разочарованный вой — зима упустила добычу. Тысяча волков сетовала на злодейку-судьбу. Тысяча волков умоляла о добыче, в чьих жилах течет теплая кровь. Циклопу даже захотелось ринуться прочь — подальше от гостя, во вьюжную круговерть, и сгинуть там, утешив волчью тоску.

«Странное желание», — подумал он.

Долгое время Симон молчал, глядя на Циклопа. С плаща, с полей шляпы текло — в тепле снег быстро превращался в воду. А может, сказывалась природа Симона, прозванного меж магами Пламенным. Будучи в игривом расположении духа, Красотка утверждала, что на старце хорошо жарить яичницу.

— Хочешь сделать заказ? — спросил Циклоп.

Симон не ответил.

— Перстень? Жезл? Камень в наверхии посоха?

Гость онемел. В глубине его глаз тлели крохотные огоньки.

— Браслет? Диадема?

— Ты, — ответил Симон. — Мой заказ — ты. — И добавил сварливо: — Ты не пригласишь меня в кабинет?

— Я не продаюсь, — ответил Циклоп. — Следуй за мной.

В кабинете он дождался, пока Симон повесит шляпу на оленьи рога, укрепленные поверх дверного косяка, и бросит плащ на кресло. Обивка промокнет, но это пустяки. Зато огни во взгляде Пламенного — пустяками их назвал бы лишь безумец. «В чем дело? — лихорадочно соображал Циклоп. — Мы плохо выполнили какую-то работу? Нет, Симон давненько не прибегал к нашим услугам. Если что, уже всплыло бы. Я его обидел? Когда? Чем?! Неужели он шутит? Скорее дно морское встанет выше гор, а мясник забудет про мой лоб, нежели зануда Остихарос прибегнет к шуткам...»

— Они молчат, — хрипло бросил Симон, усаживаясь в свободное кресло. Посох лежал у него на коленях. — Годы идут, а они молчат. Маги, подобные мне. Еще бы! Заказы выполняются, как раньше, и хоть солнце угасни! А я такой старый... Я еще помню, что значит дружба. Долг, любовь... Где Красотка, Циклоп? Что ты сделал с ней?

— Она наверху. Плохо себя чувствует.

— Отведи меня к ней.

— Инес никого не принимает.

— А если я хочу сделать заказ? Лично?!

— Говори со мной. Я приму твой заказ и передам Инес.

Маг протянул озябшую руку к камину. Дрова, лежавшие за решеткой, вспыхнули. Слабый дымок потянулся вверх. В кабинете запахло благовониями: так горит сандал. Вдохнув с удовлетворением, старик взял с изящного столика кружку, где плескался остывший чай. Солдатскую, оловянную кружку — Циклоп вечно бил хрупкую посуду Красотки и предпочитал что-нибудь понадежнее. Над кружкой начал куриться пар, чай быстро закипел. Старик отхлебнул кипятка, затем еще раз. Серая

кожа на руке Симона потемнела, приобрела зернистую фактуру, став похожей на гранит — выветренный, в трещинах и разводах. Циклоп знал почему. Старый маг дорого заплатил за победу над Шебубом Мгновенным, отродьем Сатт-Шеола, — шесть лет, минувших после схватки, победитель надеялся самостоятельно избавить свою руку от демонских эманаций, мало-помалу обращавших плоть в гранит, и сдался лишь на седьмом году, осознав близость смерти. Спас его Циклоп, равной мерой распределив лишний камень по всему телу Симона и тем продлив жизнь старику. Лечение Циклоп повторял каждые два года, иначе убийственная эманация Шебуба опять скапливалась в руке. Симон, конечно же, помнит, кому он обязан исцелением. Сделает ли это мага благодарным? Удержит от опрометчивых поступков?

Вряд ли.

— Однажды ты спас меня. Не знаю как, но спас. — Маг сгорбился. Голос его звучал еле слышно. Так трещит дерево в ночном лесу, и треск тонет в буране. — Мне бы не хотелось убивать тебя. Сейчас я поднимусь к Красотке, и ты не станешь мне препятствовать.

— Инес не принимает, — повторил Циклоп.

— Ты упрям. Твоим лбом можно прошибать скалы.

— Вы с Инес очень похожи. Вам и еще одному мяснику не дает покоя мой лоб.

— Какому еще мяснику?

— Забудь. Подать тебе горячего вина?

— Я поднимусь к ней в любом случае. С твоего разрешения или через твой труп. Видишь ли, я полагаю, что Инес мертва. Что ты убил ее и теперь принимаешь наши заказы, прикрываясь ее именем. Всем наплевать, кроме меня. Что ж, я привык к одиночеству.

— Инес жива.

— Если она жива, ты поработил ее. Нашел способ, извернулся. Держишь взаперти. Возможно, даже зато-

чил ее душу в кристалле. Пользуешься ее репутацией, как вор — чужим добром.

— Это не так.

— Пусть она сама подтвердит мне, что я ошибаюсь. Я долго медлил, Циклоп. Мне стыдно за каждый миг промедления. Ты был любовником Красотки? Не лги мне! Конечно же, был. Я тоже — так давно, что это кажется сном. Если бы ты знал, сколько ей лет на самом деле... Я иду наверх, а ты жди здесь. Или беги, если чувствуешь за собой вину. Метель скроет твои следы. Когда я вернусь, будет поздно бежать.

— Ты никуда не пойдешь.

— Надеешься остановить меня? Плохо же ты знаешь Пламенного...

— Плохо, — согласился Циклоп. — Но у меня есть одно преимущество.

— Молодость?

Симон улыбнулся. Видно было, как мало он ценит чужую молодость.

— Я о другом, — сказал Циклоп. — Ты меня не знаешь вовсе.

— Двадцать лет ты живешь здесь. Я видел тебя сотню раз.

— Видеть и знать — разные вещи. Ты видел меня и раньше, прежде чем я объявился у Красотки. Забыл, Пламенный? Ясное дело, забыл. Хочешь выяснить, что ты еще забыл?

Маг встал. В глазницах Симона полыхал костер. Встал и Циклоп — в дверях кабинета. Повязка на его лбу почернела, сморщилась. Миг — и кожаная лента вспыхнула, сгорая дотла. Пепел осыпался на щеки и подбородок, делая Циклопа братом-близнецом сипухи. Только Дура сидела в клетке, а Циклоп был на свободе. Матовый камень в центре лба проснулся, наливаясь млечным сиянием. Полная луна, ведьмин манок;

радужный опал в розетке из лепестков живой плоти. Ни один рубин или сапфир не мог похвастать лучшей оправой. Под кожей от камня во все стороны тянулись жилы — синие, вздувшиеся от напряжения. Черви, змеи; часть их собралась у висков в неприятные жгуты.

Освещенное камнем-луной, морщинистое лицо Циклопа — убежище теней — сделалось юным и оттого ужасным.

— Испытываешь меня? — рассмеялся маг.

Хохот Симона — голос вьюги — наполнил кабинет.

— Меня? Симона Остихароса?!

— Ты останешься здесь, — прохрипел Циклоп.

Он уже чуял все необходимое — так зверь чует ароматы леса, так музыкант слышит звучание оркестра. Известняк башенных стен. Гранит облицовки. Ломовой плитняк фундамента. Мрамор статуй на втором этаже. Бриллианты, изумруды, аметисты в перстнях и жезлах, оставленных для настройки. Нефритовое панно в зале для приемов. Лалы и багрово-красные гранаты — цепочка капель земной крови, утопленная в навершии Симона посоха. Камни, камни, камни. Даже левая рука Остихароса, в которой камня было больше, чем хотелось бы магу, вплела свое пение в общий хор. Глаз во лбу пульсировал, как маяк, готовый в мгновение ока созвать к берегу эскадру кораблей — и бросить их на врага.

— Прочь!

Циклоп остался на месте. Третий его глаз потемнел, налился тревожным багрянцем. Отсветы далекого пожара исказили черты лица Циклопа — не юноша, но мальчик, похожий на голодную крысу. Кабинет поглотила тишина, лишь трещали дрова в камине. И в этой тишине, готовой в любой миг смениться грохотом катастрофы, оба мужчины услышали, как кто-то скребется в закрытую дверь. Звук был слабый, болезненный. Первым опомнился Циклоп. Забыв о Симоне, об опасно-

сти, исходящей от взбешенного мага, он рванул дверь на себя — и упал на колени, боясь прикоснуться к тому, что вползало в кабинет.

— Ты, — прошептала Красотка. — Помоги... — И Симону, собрав последние силы: — Я жива. Он не виноват.

Она ошиблась. Она уже не была живой. Лестница, которую так ненавидел Циклоп, добила Красотку. Каким чудом женщина, ставшая чудовищем, исковерканная и давно забывшая, что значит двигаться по-человечески, спустилась вниз по щербатым ступеням — и думать не хотелось. Циклоп отнес ее, всю в кровоподтеках и ссадинах, на диван, ткнулся лбом, пряча грозное сияние, в живот Красотки — и тихонько завыл. Он не знал, что буран стих, что снежные волки захлопнули пасти и поджали хвосты, что метель улеглась в сугробы, и один-единственный Циклоп воет сейчас в кулаке зимы, над трупом, способным испугать самого отчаянного храбреца.

Могла ли Инес ди Сальваре желать лучшей погребальной песни?

— Мы ее похороним, — много позже сказал Циклоп.

— Да, — кивнул Симон.

— Сегодня. Сию минуту.

За стеной расхохоталась воспрявшая было вьюга. И онемела, когда Пламенный согласился без споров:

— Да.

— Я расскажу тебе все. Теперь можно.

— О да, — сказал Симон Остихарос в третий раз. — Теперь, я вижу, можно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Изменник, который мечтал стать грузчиком

1

Янтарный туман укутал его в кокон из мягчайшего, невесомого пуха. Туман искрился, как снег на солнце. От огоньков-блесток все тело слегка покалывало. Было щекотно и приятно. Да, наверное, приятно. Он не мог подобрать другого слова. Кокон покачивался, словно колыбель или рыбацья лодка, унося Танни... В море? В небо? В таинственные страны, что лежат за Громовым океаном?

Сквозь туман и щекотные искорки проступили смутные тени. Танни взгляделся — и задохнулся от восторга. Он летел! Летел над холмистой равниной, а внизу гуляли радужные сполохи. Высокие травы колыхались под теплыми поцелуями ветра. Цветы, клонясь друг к другу, блестели морским перламутром. Казалось, это дышит сама земля. Дышит, шевелится...

Ой, они и вправду движутся!

Земля собралась складками лохматой шубы. Бугры-исполины, с подножия до вершины заросшие цветной шерстью, обступили Танни со всех сторон. Один из склонов треснул ближе к макушке, трава-шерсть расступилась, и на мальчика в упор уставился огромный изумруд со смоляным провалом зрачка в середине. Лопнул второй склон, третий... Глаза-камни смотрели на Танни. Рубины и аметисты, опалы и ониксы мерцали, беседуя между собой и оценивая добычу.

Они живые, живые!

Холмы-одноглазы плавно меняли очертания. Истекали складками мохнатых шкур, выпячивали наружу шишковатые вздутия; из них выстреливали ростки, дикий и жуткие, — лапы? руки? клешни? И все это в полной, абсолютной тишине. Уши Танни наглухо залило воском. Сердце — зверек, пойманный в западню, — отчаянно билось в клетке ребер: не убежать, не спрятаться!

Ближайший отросток устремился к янтарному кокону. Аспидно-черный глаз глядел прямо в душу Танни. Мальчик замер, как кролик перед змеей, не в силах пошевелиться. В глубине гагатовой пропасти мерцала россыпь золота — искры, похожие на звезды. Бездна засасывала жертву в себя, Танни падал, замирая от сладкого ужаса...

Щупальце проникло в кокон и коснулось мальчика.

Черная бездна схлопнулась.

Муха в паутине, он задергался, закричал, но пух-янтарь набился в рот, глуша крик в зародыше. Танни лишь разевал рот, как выброшенная на берег рыба. Мгновения текли, свиваясь в скользкую удавку, в чешуйчатое тело змеи. Но удавка медлила сдавить горло, а змея не спешила жалить. Вокруг царил безвидная тьма. Неужели возврата нет?! Где золотые огоньки-звезды, где искрящийся омут, куда он падал? Все сгнуло. Лишь щупальце никуда не исчезло. Вместо того чтобы схватить Танни, сжать в скользких объятиях и утащить в пасть холма, оно лежало на лбу мальчика. Узкая прохладная ладонь успокаивала, ободряла, вселяла надежду...

— Доброе утро, Танни.

Он медлил открыть глаза. Танни узнал и голос, и ладонь. Госпожа Эльза приходила к нему каждый день, по три-четыре раза. Самая лучшая девушка на свете! Ну да, она старше Танни. Он — простой парень из портового квартала, а она — настоящая сивилла! Ну и что? Он все

равно ей скажет, что она — лучшая на свете! Обязательно скажет. Только не сейчас. Вот поправится, и когда будет уходить...

Танни замер под одеялом, боясь шевельнуться. Он всегда замирал, когда Эльза по утрам касалась ладонью его лба, мечтая, чтобы прикосновение длилось вечно.

— Ты уже проснулся. Хватит притворяться.

В голосе сивиллы прятался смех. Прохладная ладошка исчезла. Танни со вздохом открыл глаза. Оба: здоровый, правый, и левый, что больше не видел. Пришлось моргнуть разок-другой, чтобы комната перестала расплываться. Смотреть одним глазом было непривычно. В первые дни Танни то и дело промахивался мимо ложки или кружки с целебным отваром, не соразмеряя расстояния. Позже дело пошло на лад.

Ничего, скоро он привыкнет.

— Доброе утро, госпожа.

Сивилла разрешила звать ее просто Эльзой. Танни день за днем собирался с духом, но так и не отважился на этот подвиг.

— Опять янтарь снился? — участливо спросила Эльза.

В голосе ее больше не было смеха. Танни загляделся на девушку. Мягкий, невозможно правильный овал лица; едва заметный пушок — как на нежной коже персика — на щеках, чуть тронутых румянцем. Губы, созданные для улыбок и поцелуев. Густые волосы цвета спелой пшеницы перехвачены на лбу лентой с золотым тиснением. А какие у нее глаза! А какие... Танни опустил взгляд ниже, зарделся, что маков цвет, и наконец вспомнил: ему задали вопрос.

— Ага! Сначала — будто я лечу. А вокруг туман...

— Жидкий янтарь?

— Да. Потом — холмы с глазами. Лезут, щупальца тянут...